

О.Э. Терехов

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, КУЛЬТУРПЕССИМИЗМ, МОДЕРН: К ИДЕЙНЫМ ИСТОКАМ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Рассматриваются идейные предпосылки идеологии немецкой «консервативной революции». Автор выделяет три основные составляющие идеологии «революционного консерватизма»: традиционализм, культурпессимизм и модернизм. Несмотря на то что идейные истоки «консервативной революции» находились в русле главного тренда немецкой философской и общественно-политической мысли конца XIX – первой половины XX в., «консервативные революционеры» внесли значительный вклад в ее трансформацию, синтезировав обновленное понимание традиции, культурпессимизм и дух модерна. На примере культурно-исторических и политических концепций Шпенглера, Фрайера и Юнгера автор показывает последовательный процесс поиска возможности синтеза культуры и цивилизации через технику как наиболее характерное выражение цивилизации в эпоху модерна.

Ключевые слова: культура; цивилизация; «консервативная революция»; культурпессимизм; модерн.

Феномен немецкой «консервативной революции» в период Веймарской республики в Германии в последнее время достаточно подробно раскрыт в отечественной гуманитарной мысли [1–3]. В данной статье рассматривается проблема соотношения трех интеллектуально базовых компонентов «консервативной революции»: традиционализма, культурпессимизма и духа модерна.

Идеология немецкой «консервативной революции», с одной стороны, вобрала в себя идеологические клише германского консерватизма: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики, радикально усилил их. С другой – была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Ее деятели стремились придать германскому консерватизму современный характер. К этому следует добавить существование распространенного в 1920–1930-х гг. среди интеллектуалов убеждения в том, что технический прогресс, эффективное планирование, постепенное возрастание уровня жизни должны способствовать сглаживанию социальных противоречий в обществе [4. С. 55]. Правда, в этом случае необходимо помнить о том, что правые и левые интеллектуалы по-разному понимали способы решения подобных противоречий. Будучи в мировоззренческом и теоретико-методологическом отношении тесно связанной с философией жизни, идеология «консервативной революции» дистанцировалась от консервативной критики культуры и техники, популярной среди представителей немецкой философии жизни конца XIX – начала XX в.

Эта проблема, как и проблема соотношения культуры и цивилизации, является ключевой для германской гуманитарной и общественно-политической мысли конца XIX – первой трети XX в. В ее контексте возникали и развивались основные мифы германской исто-

рии: тезис об «особом пути» Германии (Sonderweg), «идеи 1914 года», концепция «Срединной Европы» (Mitteleuropa).

Данные различия германской культуры и западной цивилизации были исторически обусловленным выражением, по мнению большинства германских интеллектуалов, истинно немецкого национального самосознания. Известный историк Э. Трельч писал в 1916 г.: «Немцы по своей природе метафизики и мыслители, стремящиеся изнутри, из духовной глубины универсума понять сущность мира и вещей, людей и судеб» [5. С. 542]. Противопоставление немецкой «Kultur» французской и английской «civilisation» к концу XIX – началу XX в. приобрело в Германии открыто антизападные черты и впоследствии объясняло Первую мировую войну как борьбу духа и разума, культуры и цивилизации, единства немецкого народного сообщества против западного буржуазного индивидуализма. Эти интеллектуальные и политические установки составили основу «идей 1914 года».

«Идеи 1914 года» переживались немецкими интеллектуалами как возможность духовного и политического очищения от влияния западной цивилизации. Другим проявлением «идей 1914 года» стало формирование органического понимания функционирования государства и общества, становление знаменитой концепции «народного сообщества» (Volksgemeinschaft). По мнению Х. Герстенбергер, «революционные консерваторы» оценивали духовную и политическую атмосферу 1914 года в Германии как точку отчета для формирования собственно идеологии «консервативной революции» [6. S. 17–18]. Содержание «идей 1914 года» представляет кульминационную точку в развитии культурпессимистической мысли в кайзеровском рейхе, в центре которой находилась дихотомия культуры и цивилизации.

Апофеозом подобных умонастроений стал знаменитый «шедевр германского славянофильства» [7] «Размышления аполитичного» (1918) Томаса Манна [8]. Книга в буквальном смысле этого слова изобилует

блистательными афоризмами, определениями, догадками, размышлениями о Германии и Западе, культуре и цивилизации, государстве и политике, консерватизме, либерализме и демократии и т.д. «Размышления аполитичного» стали квинтэссенцией германского консерватизма, через которые «можно кратко сформулировать идеальный образ нации в глазах немецких консерваторов, а также уточнить их представления о ее извечном враге – римском Западе» [9. С. 19].

Обратной стороной такого «культурного подвижничества» германских интеллектуалов были «побочные» продукты германской политической и культурной традиции и германской модернизации последней трети XIX – начала XX в.: национализм, милитаризм, империализм, аполитичность и т.д., т.е. все то, что давало благоприятную почву консерватизму – главному интеллектуальному достижению немецкого духа. Характерно, что современники понимали трагизм и противоречивость состояния немецкого духа. В 1914 г. известный русский философ В.Ф. Эрн произнес речь «От Канта к Крупну», в которой напрямую связал вершины немецкой культуры с милитаризмом германского общества, феноменализм Канта и пушки Крупна [10. С. 19].

Интеллектуальная и общественно-политическая атмосфера Германии того времени была окутана ожиданием некоего рубежного мировоззренческого и идейно-политического учения, которое должно поставить окончательную точку в противостоянии немецкой культуры с цивилизацией Запада.

Позволим себе привести обширную цитату из И. Феста, в которой он очень точно описал социокультурную составляющую этого процесса: «Над этой занятой своими делами и, казалось бы, так уверенной в своём завтрашнем дне страной, над её растущими крупными городами и промышленными районами довлел некий своеобразный романтический небосвод, тёмный купол которого населяли мистические образы, древние герои и боги, – отсталость Германии имела идеологическую природу. Конечно, в немалой степени к этому приложили свою руку академический обскурантизм, фольклор германистов, а также потребности в украшательстве со стороны того слоя буржуазии, которому так хотелось поверх материальных целей; кои он преследовал с такой неутомимостью и динамизмом, увидеть более высокие ориентиры. Но в то же время за всеми этими пристрастиями постоянно ощущалась бюргерская строптивость в культурной сфере по отношению как раз к тому современному миру, возведению которого помогали столь энергично и успешно, – это была своего рода оборонительная жестикоуляция в адрес новой, лишённой поэзии реальности, имевшая своим истоком не дух скептицизма, а дух пессимистического романтизма, и позволявшая распознавать в себе латентную готовность к контрреволюционному протесту» [11. С. 161].

«Консервативная революция» собственно и была попыткой того контрреволюционного протеста, о кото-

ром тайно грезило немецкое общество, особенно молодое поколение, увлеченное мистикой германской истории. «Консервативная революция» возникла на пике общественно-политического кризиса 1918–1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили привычный жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма представители молодого поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной форме консервативной идеологии и политики, что привело к появлению идеологии «консервативной революции», предпосылки которой формировались еще до войны.

Таким образом, традиционалистская составляющая «консервативной революции» определилась сразу. «Консервативные революционеры» не были традиционалистами в духе германского консерватизма кайзеровской эпохи, они были традиционалистами по сути, по существу германской исторической и политической мифологии. Духовный вождь «консервативной революции» А. Мёллер ванн ден Брук писал: «Консерватизм в Германии совершенно забыл, что для того, чтобы что-то сохранить, надо сначала этого добиться <...>. От консервативного нападения он постепенно уходил в консервативную защиту» [12. С. 316]. Для «консервативных революционеров» довоенный германский консерватизм являлся проявлением одной из разновидностей буржуазной идеологии. «Идеи 1914 года», по их убеждению, должны были не просто одновременно опрокинуть цивилизацию Запада, а стать оппозицией «идеям 1789 года».

Идеологи «консервативной революции» вышли за рамки сословного консерватизма Второго рейха и провозгласили возвращение к истинным ценностям германской истории и немецкого общества: культу вождя, корпоративному государству, авторитаризму, ответственности государства перед гражданином и, наоборот, единству нации и т.д. Проблема «реакционного (консервативного, правого) модерна» в «консервативной революции» неоднократно рассматривалась в гуманитарной мысли [13].

Необходимо отметить, что в идеологии «консервативной революции» ситуационно соединились национальные мифы германской истории, отрефлексированные в духе витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма. В то же время «консервативные революционеры» обладали ясным пониманием невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур, и в этом отношении они выступили апологетами различных версий «реакционного модерна». Поэтому, несмотря на апелляцию к традиционным ценностям, желанию позиционировать себя «истинными защитниками» немецкого духа, «консервативные революционеры»

ры» далеко вышли за рамки традиции. Это привело к трансформации как самого понимания традиции, так и трактовок ее сущностных признаков.

В интеллектуальном и общественно-политическом контексте такого подхода проблема соотношения традиции, культурпессимизма и модерна в идеологии «консервативной революции» становится проблемой синтеза культуры и цивилизации ради претворения в жизнь проекта консервативного модерна. «Консервативные революционеры» не были едины в создании будущего желаемого общества «реакционного модерна». Было бы странным требовать этого от представителей движения, не обладавшего программным и политическим единством. Слишком разные были пути ее ведущих идеологов к тому феномену, который в конечном итоге получил название консервативной революции. Кто-то шел к этому через традицию, кто-то – через восприятие современности.

Феноменальный успех «Заката Европы» Освальда Шпенглера у широкой читающей публики был обусловлен тем, что автор, очевидно сам на то не рассчитывая, обнажил кризисные точки развития западной цивилизации. Культурно-историческая концепция Шпенглера базировалась на идее противоположности культуры и цивилизации. Среди «консервативных революционеров» в трактовке культуры Шпенглер придерживался более или менее классической интерпретации, какой она сложилась в германской гуманитарной мысли. По мнению Д. Херфа, мировоззрение Шпенглера, его идеи находятся «на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами» [14. Р. 11]. А. Михайловский полагает, что «воззрения Шпенглера характеризует диссонанс между ориентацией на традиционные ценности и пониманием невозможности их реального осуществления. Он ввел в критику эпохи новую позицию, не сводимую ни к чисто революционному, ни к чисто реакционному, ни к чисто прагматистскому умонастроению сохранения либерального статус-кво» [15. С. 64].

В условиях кризиса фаустовской культуры Шпенглер стремится выработать позицию интеллектуала-одиночки, сохраняющего культурное наследие веков, перед стремительно наступающей цивилизацией. Шпенглер не верил в возрождение культуры, но он и не желал культурой лечить болезни декадентской цивилизации. Поэтому «Закат Европы» неизбежен. Такая ситуация не оставляет выбора современному западноевропейскому (фаустовскому) человеку, который родился в эпоху цивилизации, и ему ничего не остается делать, как смириться с ней.

Однако «фаустовский человек» культуры вправе выбрать для себя этическую позицию своего существования в цивилизации. Такая позиция позднее была обозначена как «героический реализм» в мировоззренческом и философском смысле, а в политическом – как

«пруссский социализм», разработка принципов которого стала выдающимся вкладом Шпенглера в идеологию не только «консервативной революции», но и германского консерватизма в целом.

Термин «героический реализм» в его различном звучании и значении не был новым для немецкой гуманитарной и общественно-политической мысли, но в контексте идеологии «консервативной революции» впервые был использован в кругу единомышленников Э. Юнгера и включен в число главных мировоззренческих и идеологических категорий «революционного консерватизма» его первым исследователем А. Молером [16. S. 157–161]. Сами «консервативные революционеры» вкладывали различный смысл в понятие «героический реализм». Общим было лишь то, что все они, без исключения, понимали «героический реализм» как способность человека в условиях неизбежности наступления технической цивилизации и, с другой стороны, кризиса модерна сохранить собственное «Я». «Героический реализм» был идейным и мировоззренческим ответом интеллектуалов «консервативной революции» на кризис культуры и национального самосознания в эпоху модерна [17. S. 271].

Если «героический реализм» Шпенглера в действительности можно назвать «героическим пессимизмом» (хотя он не считал себя пессимистом), так как Шпенглер во многом оставался в идейном русле традиционного довоенного культурпессимизма и, частично, в интеллектуальном поле немецкого консерватизма кайзеровского рейха, то технократические концепции Х. Фрайера и Э. Юнгера были результатом всеобъемлющего и решительного духовного и идейного разрыва консервативной мысли с традиционализмом и принятия изменчивого и динамичного мира модерна.

Для Фрайера изучение проблем науки и техники было центральной темой его социологических исследований и одновременно политической задачей. Как участник довоенного националистического молодежного движения и ученик крупнейшего германского социолога и представителя философии жизни Г. Зиммеля Фрайер считал напряжение между хаотичными принципами жизни и изначально структурированной культурой подлинным проявлением жизни. Жизнь, по мнению Фрайера, порождалась некими культурными формами, которые затем необходимо творчески перерабатывать и преобразовывать в новые формы. Этот процесс должен быть постоянным, иначе культура и человек могут остановиться в своем развитии. Идет борьба между постоянно изменяющейся жизнью и процессом универсализации, в котором наука и техника играют ключевую роль. Фрайер, подобно Шпенглеру, сталкивается с фундаментальной проблемой: возможно ли сохранение самобытной культуры конкретного народа перед лицом процесса реальной универсализации и какие общественные силы должны возглавить этот процесс [15. С. 65].

Техника в социологической и социально-философской концепции Фрайера становится важнейшим инструментом сохранения и одновременно преобразования культуры. «Таким образом, с чисто культур-философской точки зрения, техника оказывается чистой системой средств, культурной системой, имеющей производную ценность», – пишет он [18. С. 74]. Фрайер признает значение техники для развития европейской культуры и цивилизации. «Так или иначе: вступление в техническую эпоху приобретает всемирно-исторический вес. Оно становится критической точкой, в которой решается судьба западноевропейской культуры и, возможно, судьба человечества как такового» [Там же. С. 75].

Фрайер, как и Шпенглер, прибегает к слову «судьба», говоря о процессах всемирно-исторического характера и процессах культуры. Диалектика мысли обоих мыслителей развивается в русле попыток синтеза органического, почвеннического понимания культуры и технической цивилизации в духе «героического реализма». Для этого было необходимо встроить категории техники в категории традиционалистски понимаемой культуры. Фрайер это успешно делает, утверждая, что «исторический смысл современной техники на самом деле можно было бы выразить просто: она есть “базис” всей культуры» [Там же. С. 78].

Для Фрайера как представителя «консервативной революции» не стоял вопрос о поиске общественной силы, которая могла бы, по его мнению, совершить объединение техники и культуры. Таким субъектом истории становится народ, образующий некую политическую общность в структуре индустриального общества. «Индустриальное общество не пробуждается к народу, – оно этого не может. Но в нем пробуждается народ: как субъект революции, для которой оно созрело завершаясь» [19. С. 67]. Революция справа, в понимании Фрайера, – это процесс политизации народа, в котором растворяются классы и сословия и который как единое целое осуществляет синтез культуры и цивилизации, почвы и индустриального общества, органического и механического.

Третьим крупным проектом «реакционного модерна» в идеологии «консервативной революции» стала концепция Э. Юнгера. Он, так же, как и Фрайер, принадлежал к поколению фронтовиков, но в отличие от него не был духовно и интеллектуально связан с проблемами довоенного консерватизма и культурпессимизма. Это предопределило мощную динамику творчества Юнгера. Его по праву считают глашатаем нового понимания мира и человека. Юнгер дал всеобъемлющую оценку последствиям наступления эпохи модерна с точки зрения ее философско-исторических, социально-философских и идейно-политических перспектив.

Юнгер задавался вопросом, что следует сделать для того, чтобы вывести Германию из состояния тяжелей-

шего морально-психологического шока, связанного с военным поражением. Его как патриота и националиста не устраивал ни либеральный, ни левый политический проект модерна, ценности традиционного германского консерватизма также казались ему безнадежно устаревшими. Юнгер выступал как один из видных основателей и апологетов идеологии «нового национализма», ставшего одним из главных идейных течений «консервативной революции».

Т. Рокрэммер, исходя из своей концепции о «консервативной революции» как исключительно модернистском идейном движении, характеризует мировоззрение Юнгера и его современников как продукт распада традиционных ценностей в эпоху модерна [20. С. 854]. Значение творчества Юнгера периода Веймарской республики заключается в том, что он, как никто другой из его современников, выразил страх перед современной техникой, но в то же время и осознал, что технократия и плановое хозяйство могут привести к другому, лучшему модерну, в котором человек и техника встретятся в новом гармоничном синтезе. Цель Юнгера заключалась в соединении человека и техники в единую органическую конструкцию. Однако в критике цивилизации и антиинтеллектуализме Юнгер вышел за пределы немецкой правой традиции и вступил в область «анархического радикализма своих революционных притязаний» [21. С. 850].

В то же время Юнгер, подобно Шпенглеру, занял позицию поэтического и метафизического толкователя модерна в духе «героического реализма». В своем завершенном виде эти тенденции в творчестве Юнгера проявились в двух его классических эссе «консервативно-революционного» периода: «Тотальная мобилизация» и «Рабочий», в которых он от написанной на злобу дня публицистики перешел к философско-историческому и социально-философскому анализу современности. Юнгеру удалось соединить то, к чему стремились многие «революционные консерваторы»: культуру и цивилизацию, традиционные прусские ценности и технологический футуризм.

Дихотомия традиции и современности была осмыслена «консервативными революционерами» на новом теоретическом и практическом (политическом) уровне: как проблема сохранения культуры и традиции в условиях функционирования индустриальной цивилизации. Проблема эта решалась идеологами «консервативной революции» исключительно в «консервативно революционном» радикальном ключе. Для них не стоял вопрос о том, что предпочтительней – традиция или современность; они понимали и принимали неизбежность наступления современной индустриальной цивилизации. Свою основную задачу «консервативные революционеры» видели в разработке философских, политических и социальных проектов синтеза традиции с индустриальной цивилизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
2. Михайловский А.В. Консервативная революция: апология господства // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб. : Алетейя, 2008. С. 264–283.
3. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2011.
4. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с фр. М. : Праксис, 2003.
5. Трельч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры / Культурология. XX в. Антология. М. : Юрист, 1995. С. 540–556.
6. Gerstenberger H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin : Duncker & Humblot, 1969.
7. Парамонов Б. Шедевр германского «славянофильства». О «Размышлениях аполитичного» Томаса Манна // Звезда. 1990. № 12. С. 152–158.
8. Манн Т. Размышления аполитичного / пер. с нем. М. : АСТ, 2015.
9. Хряков А. Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М. : Три квадрата, 2010. С. 17–48.
10. Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Сочинения. М. : Правда, 1991. С. 308–318.
11. Фест И. Гитлер. Биография / пер. с нем. Пермь : Культурный центр «Алетейя», 1993. Т. 1.
12. Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М. : Вече, 2009.
13. Терехов О.Э. «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике в германской историографии // Вестник Кемеровского университета. 2013. № 2 (54), Т. 3. С. 146–150.
14. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge : University Press, 2003.
15. Михайловский А.В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–72.
16. Möhler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart : Vorwerk, 1950.
17. Merlio G. Der sogenannte «heroische Realismus» als Grundhaltung des Weimarer Neokonservatismus // Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage / Hrsg. von M. Gangl, G. Raulet. Frankfurt a. M. : Campus Verlag, 1994. S. 271–285.
18. Фрайер Х. К философии техники // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 73–79.
19. Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. М. : Праксис, 2008.
20. Rohkrämer Th. Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger // Der Erste Weltkrieg, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. W. Michalka. München : Piper, 1994. S. 854–865.
21. Berggötz S.O. Nachwort: Ernst Jünger und die Politik / Jünger E. Politische Publizistik 1919–1932. Stuttgart : Klett-Gotta Verlag, 2001. S. 834–869.

Terekhov Oleg E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: terekhov1968@mail.ru

TRADITIONALISM, KULTURPESSIMISMUS, MODERN: TO IDEOLOGICAL SOURCES GERMAN «CONSERVATIVE REVOLUTION».

Keywords: culture; civilization; «conservative revolution»; kulturpessimismus; modern.

The phenomenon German «conservative revolution» in the Weimar republic is the difficult ideological phenomenon of the German history of the mezhoenny period. Being on limit of traditional conservatism and right radicalism, in the ideological relation «conservative revolution» in the world outlook and ideological plan developed in line with the main conceptual approaches of the German conservatism of the first half of the XX century: traditionalism, kulturpessimism and acceptance of spirit of a modernist style. These trends defined ideological and political evolution of various directions of the German conservatism during the specified period: from moderated to its farright forms. Representatives of «conservative revolution» in the teoretiko-methodological concepts in the field of philosophy, culturologists, political science, law carried out quite successful synthesis of various tendencies of the German conservatism 1920 – the 1930th. In ideology of "conservative revolution" national myths of the German history, otrefleksirovanny in the spirit of vitalism and an irrationalism, cultures pessimism and political romanticism situationally connected. Representatives of «conservative revolution» in the teoretiko-methodological concepts in the field of philosophy, culturologists, political science, law carried out quite successful synthesis of various tendencies of the German conservatism 1920 – the 1930th. In ideology of «conservative revolution» national myths of the German history, otrefleksirovanny in the spirit of vitalism and an irrationalism, cultures pessimism and political romanticism situationally connected. But, in too time «conservative revolutionaries» had clear understanding not of opportunity to keep tradition within the doburzhuaznykh of public and economic structures and in this regard they acted as apologists of various versions of «a reactionary modernist style». Therefore, despite the appeal to traditional values, desire to position itself true defenders of the German spirit, «conservative revolutionaries far were beyond tradition. It led to transformation of both the understanding of tradition, and interpretations of its intrinsic signs. On the example of Shpengler, Freier and Yungers cultural and historical and political concepts the author shows consecutive process of search of possibility of synthesis of traditionalism, kulturpessimizm, modernist style, culture and a civilization through equipment, as the most characteristic expression of a civilization during a modernist style era. The author draws a conclusion that the dichotomy of tradition and the present was comprehended by «conservative revolutionaries» at the new theoretical and practical (political) level: as a problem of preservation of culture and tradition in operating conditions of an industrial civilization. This problem was solved ideologists of «conservative revolution» only in «conservatively revolutionary» a radical key. For them there was no question that the tradition or the present is more preferable, they understood and accepted inevitability of approach of a modern industrial civilization. «conservative revolutionaries» saw the main objective in development of philosophical, political and social projects of synthesis of tradition with an industrial civilization.

REFERENCES

1. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noe techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliky* [The concepts and the position of the conservative revolution: The intelligence movement of "Conservative Revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Belarusian State University.
2. Mikhaylovskiy, A.V. (2008) *Konservativnaya revolyutsiya: apologiya gospodstva* [Conservative Revolution: The apology for domination]. In: Blyakher, L.E., Mezhujev, B.V. & Pavlov, A.V. (eds) *Kontsept "Revolutsiya" v sovremennom politicheskom diskurse* [The concept "revolution" in modern political discourse]. St. Petersburg: Aleteya. pp. 264-283.
3. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The phenomenon of "conservative revolution" in the Weimar Republic in Germany historiography: Basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.

4. Bourdieu, P. (2003) *Politicheskaya ontologiya Martina Khaydeggera* [The Political Ontology of Martin Heidegger]. Translated from French by A. Bibikov, T. Anisimova. Moscow: Praksis.
5. Troeltsch, E. (1995) *Metafizicheskiy i religioznyy dukh nemetskoy kul'tury* [Metaphysical and religious spirit of German culture]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologi. XX v.* [Researchers in Cultural Studies. The twentieth century]. Moscow: Yurist. pp. 540-556.
6. Gerstenberger, H. (1969) *Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus* [The revolutionary conservatism: A contribution to the analysis of liberalism]. Berlin: Duncker & Humblot.
7. Paramonov, B. (1990) *Shedevr germanskogo "slavyanofil'stva". O "Razmyshleniyakh apolitichnogo" Tomasa Manna* [A masterpiece of German "Slavophilism". On "Reflections of a Nonpolitical Man" by Thomas Mann]. *Zvezda*. 12. pp. 152-158.
8. Mann, T. (2015) *Razmyshleniya apolitichnogo* [Reflections of a Nonpolitical Man]. Translated from German by E.V. Shukshina. Moscow: AST.
9. Khryakov, A. (2010) *Psikhologiya "osobogo puti" i nemetskie istoriki (1920–1940-e gody)* [The psychology of "a special path" and German historians (1920–1940)]. In: Pain, E.A. (ed.) *Ideologiya "osobogo puti" v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [The ideology of "a special path" in Russia and Germany: The origin, content, implications]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 17-48.
10. Ern, V.F. (1991) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda. pp. 308-318.
11. Fest, I. (1993) *Gitler. Biografiya* [Hitler. The Biography]. Vol. 1. Translated from German by A.A. Fedorov, N.S. Letneva, A.M. Andronov. Perm: Aleteya.
12. Moeller van den Bruck, A. (2009) *Tret'ya imperiya* [The Third Empire]. In: Moeller van den Bruck, A. & Vasilchenko, A. *Mif o vechnoy imperii i Tretiy reykh* [The Myth of the Eternal Empire and the Third Reich]. Moscow: Veche.
13. Terekhov, O.E. (2013) "Conservative revolution" as a phenomenon of right wing modernism in Weimar Republic in German historiography. *Vestnik Kemerovskogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(3). pp. 146-150. (In Russian).
14. Herf, J. (2003) *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Mikhaylovskiy, A.V. (2011) *Filosofiya tekhniki Khansa Frayera* [Hans Freier's Philosophy of Technology]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 62-72.
16. Mohler, A. (1950) *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen* [The Conservative Revolution in Germany 1918–1932]. Stuttgart: Vorwerk.
17. Merlio, G. (1994) *Der sogenannte "heroische Realismus" als Grundhaltung des Weimarer Neokonservatismus* [The so-called "heroic realism" as a basic attitude of Weimar neoconservatism]. In: Gangl, M. & Raulet, G. (eds) *Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage* [Intellectual discourse in the Weimar Republic: The political culture of a complex situation]. Frankfurt a. M.: Campus Verlag. pp. 271-285.
18. Frayer, H. (2011) *K filosofii tekhniki* [Philosophy of technology]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 73-79.
19. Frayer, H. (2008) *Revolyutsiya sprava* [Revolution from the right]. Translated from German by Yu.Yu. Korinets. Moscow: Praksis.
20. Rohrkramer, Th. (1994) *Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger* [The enchantment of the snake: War, art and civilization criticism by the early Ernst Jünger]. In: Michalka, W. (ed.) *Der Erste Weltkrieg, Wahrnehmung, Analyse* [The First World War, Perception, Analysis]. München: Piper. pp. 854-865.
21. Berggötzt, S.O. (2001) *Nachwort: Ernst Jünger und die Politik* [An epilogue: Ernst Jünger and the Politics]. In: Jünger, E. *Politische Publizistik 1919–1932* [Political journalism 1919–1932]. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag. pp. 834-869.